

УДК 81-119

М.А. Лаппо
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ СУЩНОСТЬ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Анализируется когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации: особенности языковой категоризации при отнесении себя говорящим субъектом к той или иной группе и репертуар соответствующих интенций в речевом акте.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, идентичность, самоидентификация, речевая интенция, лингвистическая категоризация.

В научной литературе по проблемам коммуникации важное место отводится таким категориям, как идентичность и идентификация. При этом отмечается комплексность и многоаспектность феномена идентичности, а также важность и необходимость его детального изучения, выявления его структуры и основополагающих характеристик. Значимость рассмотрения процесса идентификации в междисциплинарных исследованиях обусловлена, очевидно, возрастающим интересом к проблемам социализации личности в современном обществе [1].

Самоидентификация понимается нами, во-первых, как самоотождествление человека с какой-либо группой/классом/типом людей, во-вторых, как речевой акт, в котором говорящий дает определение, наименование себя в соответствии со своей принадлежностью к определенной национальной, социальной, профессиональной, возрастной, половой и т.п. группе/классу/типу/людей. Речевой акт самоидентификации отражает идентичность и ценности говорящего субъекта как носителя определенной культуры, ср.:

Но мы же с вами люди интеллигентные.

Я, как мать, не могу позволить тебе возвращаться поздно домой.

Ура! Я поступил в институт! (=стал студентом).

Исследование самоидентификации включено в контекст работ антропологического направления. Так, понятия Я-концепции, самооценки, рефлексии, идентификации/идентичности («самости») довольно подробно изучены в *психологии* (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, И.С. Кон, Ж. Лакан, А.И. Липкина, М.И. Лисина, К. Роджерс, В.В. Столин, З. Фрейд, Г.П. Щедровицкий, Э. Эриксон и др.); в *социологии* и *философии* (В.С. Агеев, Т.С. Баранова, Э. Гуссерль, У. Джемс, Р. Дженкинс, Ж. Деррида, Ч. Кули, В.С. Малахов, Дж. Мид, Дж. Тернер, В. Тэджфел, Ю. Хабермас, В.А. Ядов и др.).

Осознание человеком своей идентичности является необходимым в его развитии и поведении. Так, отмечается, что «Я-идентичность обеспечивает целостность поведения, она поддерживает внутреннее единство личности, обеспечивает связь внешних и внутренних событий и позволяет солидаризоваться с социальными идеалами и групповыми стремлениями» [2. С. 66].

В лингвистических работах также отражается данная проблема: как в изучении категории языковой личности в целом (Г.И. Богин, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.П. Нерознак, О.Б. Сиротинина, Н.И. Толстой), так и в анализе отражения в языке/речи говорящего категорий оценки (Е.М. Вольф, Н.А. Лукьянова, М.В. Ляпон, Т.А. Трипольская и

др.) и самооценки (В.А. Даулетова, Н.В. Овсянникова, А.В. Санников, Т.А. Трипольская и др.).

Актуальность исследования определяется включенностью работы в целый ряд современных лингвистических направлений: *когнитивного* (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Т. ван Дейк, Р. Джекендофф, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Е.В. Лукашевич, Р. Лэнекер, Р.И. Павиленис, Е.В. Падучева, З.Д. Попова, З.И. Резанова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Ч. Филмор и др.), *изучения дискурса* (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Б.М. Гаспаров, Т. ван Дейк, М.Я. Дымарский, Е.А. Земская, А.А. Кибрик, В. Кинч, В.В. Красных, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Кубрякова, О.А. Лаптева, М.Л. Макаров, Е.В. Падучева, О.Б. Сиротинина, Т.А. Трипольская, З. Харрис, Л.В. Цурикова, У. Чейф, М. Фуко и др.), *структурно-семантического* (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, Г.В. Колшанский, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия и др.), *коммуникативно-прагматического, в том числе теории речевых актов* (Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, Т.В. Булыгина, Х.П. Грайс, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, Г.А. Золотова, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, Дж. Лич, М.Л. Макаров, М.В. Никитин, Дж. Остин, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, Дж. Серль, И.П. Сусов, Ю.С. Степанов и др.).

Наиболее продуктивным для разработки нашей темы представляется направление, обозначенное Е.С. Кубряковой как **когнитивно-дискурсивное**: «...согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в том случае, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [3. С. 11].

Иначе этот подход можно назвать когнитивно-прагматическим. Т.А. Трипольская, описывая эмоционально-оценочный дискурс, семантику эмотивной оценки в рамках антропоцентрической парадигмы, использует когнитивно-прагматический подход: «Избранный комплексный подход в описании данного фрагмента словаря отвечает общей тенденции к интеграции гуманитарного знания. Он не является механическим объединением когнитивного и прагматического подходов, достаточно широко представленных в современных исследованиях, но основывается на положении о том, что в основе представлений об успешности эмотивно-оценочных речевых актов в реальной коммуникации лежат когнитивные процессы. Когнитивная структура языка открывает доступ к процессам и структурам, обеспечивающим адекватное порождение и восприятие речи. Условия успешности речевых актов, сформулированные в прагматике, имеют, как правило, когнитивную основу» (М. Минский, Ч. Филмор, Т.А. ван Дейк, В.В. Петров) [4. С. 4–5].

В работе психотерапевта М.А. Щербакова «Семь путешествий в структуру сознания» [5] анализируются семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой, духовный. Данные русского языка указывают на то, что можно выделить и другие клю-

чевые уровни идентификации, находящиеся на пересечении указанных М.А. Щербаковым уровней, например, возрастной, который теснейшим образом слит с половым и семейно-клановым уровнями, или культурная идентичность [6], находящаяся на пересечении нескольких уровней, прежде всего национально-территориального и религиозно-идеологического. Иными словами, человек в каждый конкретный момент может актуализировать один или несколько уровней самоидентификации, выбрав определенную категорию и номинацию. Выбор той или иной категории обусловлен коммуникативной ситуацией, интенциональным вектором говорящего субъекта.

«Перекресток когниции и коммуникации», когниции и прагматики в акте самоидентификации видится нам в том, что говорящий одновременно находится в двух взаимосвязанных и взаимозависимых процессах: а) категоризации (отождествления себя с какой-либо группой, категорией людей) и б) осуществления коммуникативного намерения в речевом акте (имеющегося у говорящего представления об успешности коммуникации).

Для описания процесса категоризации важны следующие условия: 1) некоторые уровни идентификации довольно тесно пересекаются; 2) сами элементы группы могут иметь размытую семантику. Так, одна и та же языковая единица может включаться в разные семантические категории (в рамках семного и лексико-семантического варьирования).

Обратимся к семантическим полям *родства*, *пола* и *возраста* в русском языке, лексические единицы которых используются как средства идентификации/самоидентификации носителями языка трех тесно слитых уровней – семейно-кланового, полового и возрастного.

В лингвистике слова, относящиеся к категории **родство**, изучаются как термины родства, семантическое поле родства. Накоплен достаточный теоретический материал, многие лингвисты сходятся в том, что эта группа лексем (семем) достаточно четко структурирована: «В определенном отношении образцовое семантическое поле составляют термины родства» [7. С. 161]. Однако остаются вопросы структурирования указанного семантического поля в аспекте явления идентификации/самоидентификации.

Так, М.А. Кронгауз относит к центру поля слова, указывающие как на родство, так и на свойство (которое имеет семантику «указание на брак»). Мы считаем, что если говорить о степени родства, то следует в первую очередь учитывать кровных родственников, дальние и тем более некровные родственники не относятся к периферии этого поля (кроме, может быть, лексем «жена» и «муж», поскольку жена и муж имеют непосредственное отношение к появлению на свет потомков, т.е. своих кровных родственников).

Таким образом, к центру поля мы относим слова *мать*, *отец*, *сын*, *дочь*, *бабушка*, *дедушка*, *внучка*, *внук*, *дядя*, *тетя*, *брат*, *сестра*, *родители*, *дети*, а также слова *муж* и *жена*, а к дальней периферии – *невестка*, *сноха*, *зять*, *теща*, *тесть*, *свекровь*, *свекровка*, *свекор*, *сватья*, *сват*, *золовка*, *деверь*, *свояченица*, *деверь*, *шурин*. К ближней периферии относятся слова-названия родственников, в составе которых имеются приставка *пра-* и сочетание морфем *-юродный*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современном русском языке уходят из активного употребления слова-наименования свойства, слова же,

которые мы относим к ближней периферии поля, употребляются реже прежде всего вследствие экстралингвистических причин: прадеды не всегда доживают до своих правнуков, уходит ценность «большой» семьи, рода, на первый план выходит ценность «малой» семьи, узкого семейного круга, включающего самых близких родственников. С лингвистической точки зрения слова-наименования родственников самого ближнего круга являются однословными, а не составными, как слова, называющие дальних родственников.

Также к периферии поля М.А. Кронгауз справедливо относит слова, связанные со вторичным браком, смертью одного из супругов, крещением и т.д.: *мачеха, отчим, падчерица, пасынок, вдова, вдовец, кум, кума*. По этой логике, нужно добавить слова *крестник, крестница, крёстный, крёстная и сирота*. Думается, что последнее слово можно отнести даже к центру этого поля, но со знаком «минус» (минус-родство).

Все слова, обозначающие родственников, независимо от их местоположения в семантическом пространстве, в первую очередь выражают идею *родства* (интегральная сема), во вторую очередь – *пол, возраст* (дифференциальные семы). Способность выразить пол отсутствует у слов *родители, дети*, может быть выражена только грамматически у слова *сирота (бедный сирота)*. У всех лексем поля родства имеется семантический потенциал переакцентуации сем либо в рамках лексико-семантического, либо в рамках семного варьирования. Соответственно, либо в языке, либо в речи они относятся к разным семантическим полям. Этот потенциал заложен в самой языковой системе, объясняемой экономией языковых средств за счет размытости границ. Например:

Я ведь уже бабушка! (семное варьирование, актуализируется сема «возраст»).

Дедушка (дед), отец, мать, внучка, внучок (лексико-семантическое варьирование, при обращении к неродственникам на первый план выходит сема «возраст»).

Вон дядя (тетя) идет! (лексико-семантическое варьирование в детской речи – актуализируются «пол» и «возраст»; ср.: *Девочка/мальчик идет!*).

Выбор того или иного наименования родственных отношений может маркировать разную степень психологической близости при одинаковом родстве, ср.:

а) *Я стала **тётей**, у меня теперь есть **племянник!***

б) *Моя **сестра** родила **сына**.*

в) *Моя **сестра** родила ребенка.*

Как видно, в примере (а) подчеркивается близость родственных отношений, говорящий включает себя в ситуацию; в примере (б) указание на родство происходит через наименование другого по отношению к говорящему, при этом используется еще одно слово «родства» – сын; в примере (в) маркируется наибольшее отдаление от родившегося племянника.

Интегральной семой лексических значений слов *старуха, старушка, старик, старичок, бабушка, дедушка, юнец, младенец, ребенок, отрок, подросток, мальчик, девочка, дети, дитя, ребята, внучка, внук* и др. является сема **возраст**, дифференциальной – **пол** (кроме слов *ребенок/дети, дитя*,

подросток, младенец). В речи возможна нейтрализация семы «пол»: *Ты – старик и я – старик* (пожилая женщина мужчине).

Для данного семантического поля не так актуально понятие ядра и периферии, сколько принцип собственно нечеткого множества (в понимании Л. Заде), т.е. градуального характера категории. Точно так же, как для носителей русского языка в целом не вполне ясны границы элементов «утро», «день», «вечер» и «ночь» на временной шкале категории «сутки» (см. об этом [8. С. 42–44]), не четко определены семантические границы элементов категории «возраст». Семантическая размытость характеризуется тем, что разные слова теоретически могут занимать на шкале различные по размеру зоны – от точки до всей длины шкалы [9. С. 25]. Например, *младенцем* называют человека с рождения до приблизительно 1 года, а *мужчиной и женщиной* – приблизительно с юношеского возраста до конца жизни.

Интересно, что специализированными лексемами маркируются здесь в первую очередь крайние полюса категории – молодость (*младенец, дитя*) и старость (*старик, старуха*). Средний возраст в русском языке не маркирован именами существительными, хотя имеются описательные конструкции (*зрелый, опытный человек*).

Важной особенностью использования данной лексической категории является относительный характер её элементов: так, при обращении к лицам старше 30 лет пожилые люди могут вполне использовать номинации «девочка» и «мальчик», уменьшая таким образом свой биологический возраст. Кроме этого, слова – термины родства также часто используются для указания на возраст при обращении к неродственникам (см. примеры выше).

Нельзя не отметить и то, что круг средств идентификации гораздо шире, чем круг средств самоидентификации. Это объясняется тем, что при самоидентификации редко либо вообще не используются стилистически маркированные элементы (*отрок, детишки, юнец, дева*); слово *младенец* также не может быть использовано в целях самоидентификации по понятным причинам.

Центром категории **пол** выступают лексемы *мужчина* и *женщина*, вокруг которых соответственно выстраиваются слова *мальчик, юноша, мальчишка* и *девочка, девушка, девчонка* и др. Это ядро семантического поля «пол», семантическим множителем является компонент «пол», во всех семемах, кроме *мужчина* и *женщина*, семы «пол» и «возраст» тесно слиты, что доказывают следующие дефиниции МАС [10]:

МАЛЬЧИК – 1. Ребенок, подросток мужского пола. || Об очень молодом, незрелом, несерьезном человеке.

ДЕВОЧКА – 1. Ребенок или подросток женского пола. || Об очень молодой, юной, неопытной девушке.

МАЛЬЧИШКА – 1. То же, что *мальчик* (в 1 знач.) || О недостаточно зрелом, неопытном, несерьезном человеке.

ДЕВЧОНКА – Разг. Уничиж. к *девочка*; то же, что *девочка*. || Об очень молодой, легкомысленной, несерьезной девушке.

ЮНОША – Лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек.

ДЕВУШКА – 1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. || Разг. Форма обращения к молодой женщине.

Женщиной либо *мужчиной* можно назвать человека любого возраста при указании его половой принадлежности, однако, как показывает языковой материал, компонент «возраст» при функционировании слов *мужчина* и *женщина* также нередко выходит на первый план: *Да ты еще мальчишка! Не девочка, но еще и не женщина*. А в толковании слова *женщина* это частично отражено в варианте «лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» – в брак вступают при достижении совершеннолетия):

ЖЕНЩИНА – Лицо, противоположное по полу мужчине. || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств. || Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.

МУЖЧИНА – Лицо, противоположное по полу женщине. || Лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью.

К периферии семантического поля «пол» мы относим слова, указывающие на родственные отношения, если в их семантике дифференцирован пол (*мать / отец, дочь / сын, сестра / брат* и т.д.), и слова-названия представителей профессий или социальных групп. В русском языке пол маркируется при названии лиц женского пола (*машинистка, учительница, спортсменка, студентка, читательница*), кроме слова *дояр*; маркирование пола словами мужского рода актуально только при противопоставлении их словами женского рода, поскольку более распространенным является использование слов мужского рода для обозначения лиц по принадлежности к профессии или социальной группе без указания на пол.

Материалом для исследования интенций, воплощающихся в речевом акте самоидентификации, являются дискурсивные фрагменты разной протяженности, в которых ключевой идеей является самоидентификация говорящего.

Вслед за Е.С. Кубряковой *дискурс* определяем как такую форму «использования языка в реальном времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [11. С. 525]. *Интенции*, «предметные направленности субъекта, образуют основу и глубинное психологическое содержание речи, которое непосредственно связано с целями деятельности и «видением мира» субъектом, его желаниями, нуждами, установками» [12. С. 28].

Приведем примеры дискурсивных фрагментов (все взяты из «Национального корпуса русского языка»), воплощающих различные интенции при идентификации себя говорящим субъектом как *девушки* или *не девушки*.

Как мы указывали выше, в семеме «девушка» компоненты «пол» (*женский*) и «возраст» (*молодость*) тесно слиты, однако в дискурсе на первое место выходит либо одна, либо другая категория самоидентификации.

Самоидентификация при актуализации категории «пол» связана со следующими интенциями:

а) объяснение отказа от полового акта, оказание сопротивления мужчине (здесь на первый план выходит семантический компонент «девушка»):

...настолько она мне вбила в голову, что краситься нехорошо. Еще она внушила мне, что я должна быть девушкой. Все те мужики, которые лезли ко мне чуть ли не с 15 лет, не могли со мной справиться. Как только дело заходило достаточно далеко, я твердо заявляла: «**Я девушка**». Когда я вышла замуж, спросила у Сергея: «Ты доволен, что я девственница?» – а он ответил: «Какая разница...» И я долго рыдала от обиды [Лидия Смирнова. «Моя любовь» (1997)];

б) объяснения своей пассивности в коммуникации с противоположным полом, которая в обществе считается нормой:

– Ну и как ты? – Да никак. Я один раз ему письмо написала, но он не ответил. Ты же понимаешь, я девушка, мне неудобно навязываться... – Это конечно, – согласился я. Мы замолчали. Мой рассказ явно произвел на Катю неизгладимое впечатление [Карен Шахназаров. «Курьер» (1986)];

в) завуалированный призыв, демонстрирующий свою готовность к коммуникации с мужчиной (здесь возраст стирается, в этом случае женщина в любом возрасте может назвать себя девушкой, слово *девушка* – маркер того, что она вступает с ним в коммуникацию не просто как с человеком, а как с мужчиной, это начало флирта):

Схватила банковский справочник, набрала прямой телефон Баландина. – Юрий Павлович! Это Яна. Что-то мне, девушке, томительно сегодня. Вот думаю, может, в самом деле позволить вам пригласить меня в ресторан? – с томностью проворковала она. Как и ожидала, с той стороны раздался возбужденный рокот [Семен Данилюк. «Рублевая зона» (2004)];

г) оправдать выбор своей («девичьей») темы для разговора, см. ниже пример «чистой» идентификации по половому признаку, когда, рядом с красивым олигархом, девушка забывает о том, что она журналист, задавая вопрос о характерной детали мужской одежды:

Олигарх без галстука, конечно, с главой «ЮКОСа» Михаилом Ходорковским надо говорить о кризисе на Ближнем Востоке, ценах на нефть и журнале «Форбс», который регулярно включает российского олигарха в список самых богатых людей планеты. Но я, как девушка, не могу смириться с тем фактом, что 39-летний Ходорковский ещё и самый, простите, красивый из представителей крупного бизнеса. Хлопаю глазами, вздыхаю, говорю с укором: – Михаил Борисович, почему вы галстук не носите, вы же олигарх?! – Действительно... [Елена Семенова. «Олигарх без галстука» (2003)].

Самоидентификация при актуализации категории «возраст» связана с интенцией выражения **несогласия с определением возраста собеседником, подчеркиванием своей молодости**, например:

– Ну почему же старуха? – расстроилась та. – Я девушка! – Девушка, девушка! – успокоил её Фома. – Просто мало времени и водки! [Сергей Осипов. «Страсти по Фоме». Книга вторая. «Примус интер парэс» (1998)].

В случае, если говорящий считает, что он уже не относится к данной возрастной категории, реализуется **интенция сожаления** в связи с этим, например:

– Я хочу узнать, Марья Владимировна, кто это вам так стильно делает голову, и, может быть, вы меня устроите к этому мастеру? Очень вас прошу, если, конечно, вам это не обидно. – Почему обидно? Охотно погово-

рю с Виталием. – А он сильно пожилой? – Ужасно пожилой, вроде вас. – А что? **Я для девушки** уже немолодая, двадцать четвёртый год. – Галя вздохнула. – Ещё бы, – сказала я. – Старость. – Нет, вы не скажите, Марья Владимировна, в нынешнее время мужчины девушку считают за молоденькую только если лет семнадцать-восемнадцать, ну двадцать, не более [И. Грекова. «Дамский мастер» (1963)].

Кроме актуализации категорий «пол» и «возраст», иногда название себя *девушкой* может актуализировать категорию «родство» – как «человек, находящийся в неблизких, неродственных отношениях»:

...*Офигеть, вы у мужа спросите, а он сам как своей маме доводится? родным или тоже двоюродным? Ляля, 2004.10.15 01: 06. Ну его-то мама родила, а нашу дочку – чужая девушка (я то есть). Вот такая у неё логика, и он её в чем-то понимает* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)].

В данном случае выражается *интенция возмущения* тем, что муж не считает автора близким, родным человеком.

Таким образом, мы видим, что дискурс не только коммуникативное событие, но и передача и конструирование нового знания. Самоидентификация говорящим субъектом отражает неразрывную связь выбора номинации принадлежности себя к определенной группе людей (в соответствии с определенным уровнем идентификации) и речевой интенции. Вместе с тем определение последней может осложняться размытостью, слитостью разных классификационных признаков, способностью одной лексемы маркировать различные категории.

Литература

1. Бойко М.А. Средства формирования положительного имиджа страны и конструирование коллективной идентичности // Язык, коммуникация и социальная среда: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Воронеж, 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2004/LSE2004Boiko.htm>
2. Миронова Н.И. Отражение характеристик коммуниканта в речевом поведении (когнитивный анализ). М., 2008.
3. Кубрякова Е.С. В начале XXI в.: (Размышления о судьбе когнитивной лингвистики на рубеже веков) // Когнитивная семантика. Ч. 1. Тамбов, 2004.
4. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.
5. Щербаков М.А. Семь путешествий в структуру сознания. М., 1998.
6. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. М., 2007.
7. Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.
8. Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теории языка. Л., 1979.
9. Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984–1988 (МАС).
11. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
12. Павлова Н.Д. и др. Интен-анализ вербальной коммуникации // Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. М., 2005. С. 28–42. (Труды Института психологии РАН).